

полицейский служитель белорусских губерний имел опыт военной службы, являлся в большинстве случаев местным уроженцем и происходил из крестьян и мещан, имел начальное или домашнее образование. Состав нижних чинов был преимущественно старше 30 лет. По вероисповеданию большая часть были православными, но в составе полицейских присутствовала заметная доля лиц католического вероисповедания, хотя такое представительство было характерно скорее всего для отдельных городов и местностей Гродненской и Виленской губерний.

1. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 378. Оп. 102. Д. 52. Л. 29–39.
2. ЛГИА. – Ф. 378. Оп. 111. Д. 50. Л. 54–98.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1816. Л. 124–173.
4. НИАБ в Гродно. – Ф. 589. Оп. 1. Д. 302. Л. 1–180.
5. НИАБ в Гродно. – Ф. 674. Оп. 3. Д. 1. Л. 2–188.
6. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 8. Д. 7.

Никитина Н.П.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПРАКТИКЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА КРЕСТЬЯНАМИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX–XX вв.)

Ключевые слова: община, крестьяне, наследование, трансформация, надел, русские, латыши.

Вопросы наследования имущества важны для описания социальных и экономических явлений, которые имели место в крестьянской среде в пореформенный период, вместе с тем наблюдение изменений в практике наследования крестьян позволяет увидеть тенденции, связанные с трансформационными процессами в крестьянской общине.

Дореволюционная отечественная историография обращалась к вопросам наследования в крестьянской среде, здесь следует выделить работы В. Мухина [8], С. Пахмана [9]. С точки зрения норм обычного права данная проблема было рассмотрена в трудах П.Н. Зырянова [5], Б.Н. Миронова [6], В.Б. Безгина [1], Т. Шанина [10].

Описывая традиции наследования в среде русского крестьянства, исследователи, как правило, обращаются к нормативно-правовым документам, этнографическим материалам, но вместе с тем документы региональных архивов позволяют раскрыть ряд нюансов, связанных с традицией наследования. Говоря о традиции, следует отметить, что именно она, в соответствии с «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» [7], лежала в основе разрешения спорных вопросов, связанных с наследованием в крестьянской среде. Анализ приговоров сельских сходов, которые сохранились в архивных фондах свидетельствует о том, что на рассмотрение сельского схода подчас выносились споры между наследниками относительно раздела имущества умершего.

Вопрос о наследовании рассматривался в двух плоскостях как наследование недвижимости (земли) и движимого имущества. Надельная земля, а именно вопрос о праве пользования ее после смерти домохозяина являлся наиболее острым для крестьян. В соответствии с положениями 1861 г. надельная земля принадлежала общине, а домохозяину только пользовалось ею между переделами земли, следовательно, после смерти домохозяина до очередного передела члены домохозяйства имели право на пользование наделом. В фондах уездных по крестьянским делам присутствий отложился ряд жалоб крестьян, связанных пользованием надельной землей, в контексте наследования. Любопытным с точки зрения норм обычного и письменного права является дело крестьянки Березовской волости Порховского уезда Хавроньи Ивановой, рассмотренное в 1882 г. Крестьянка после смерти мужа и сына передала сельскому обществу 2 надела земли, так как в силу отсутствия мужских рабочих рук не смогла их обрабатывать, впо-

следствии, она потребовала вернуть ей землю. К сожалению, в материалах дела не была зафиксирована причина, по которой Хавронья Иванова потребовала возвращения земли, можно предположить, что длительное пользование наделами, внесенные выкупные платежи, давали крестьянке уверенность в том, что данная земля является ее собственностью. Сельский сход отказал Ивановой в возвращении наделов. Порховское уездное присутствие поддержало решение схода указав на тот факт, что наделная земля не может наследоваться [2, л. 6–6об.]. Учитывая то обстоятельство, что уже к 1880-м гг. в сельских обществах Псковской губернии практика коренных переделов применялась крайне редко данное обстоятельство формировало у крестьян представление, что наделная земля навсегда закреплена за ними.

Согласно нормам обычного права женщины, вышедшие замуж и покинувшие домохозяйство, не имели права на наследование имущества родной семьи. Кроме того, нормы обычного права требовали раздела движимого имущества между всеми родственниками мужского пола. Однако в рамках такой традиции имелись исключения. Именно они и отразились в приговорах сельских сходов, связанных с вопросами наследования. В частности, сельский сход Борозовского сельского общества Псковской губернии лишил права наследства крестьянина Степана Яковлева за то, «...что он поведения был не благопристойного» [4, л. 2]. Неблагопристойность выражалась в систематическом пьянстве и неповиновении отцу. Сельский сход учел и личную волю покойного: Яков Егоров составил завещание в пользу внуков. Учитывая все эти обстоятельства, сельский сход лишил Степана Яковлева наследства, и избрал двух опекунов, которые должны были заботиться об имуществе малолетних внуков до их совершеннолетия. Подобное решение следует трактовать как стремление крестьянского мира сохранить домохозяйство от разорения.

В Государственном архиве Псковской области частично сохранился фонд Новоржевского нотариуса Игнатия Васильевича Борисенко, в котором представлены проекты завещаний за 1908 г. Следует указать на довольно слабую сохранность фондов нотариата дореволюционного периода, что было связано с распоряжением В.И. Ленина об уничтожении нотариальных архивов, так как именно в них хранилась информация, доказывающая права на владения недвижимостью. Согласно книге проектов духовных завещаний, из 15 обратившихся в данную нотариальную контору клиентов 13 являлись крестьянами: из них 2 – латыши, 11 – русские. Из 11 русских крестьян 9 были мужчинами и 2 женщинами [3]. Несомненно, что количество крестьян, пожелавших юридически оформить вопрос наследования, было невелико, однако текст документов позволяет говорить о формировании определенных тенденций и явлений в новых условиях, которые были связаны с началом столыпинской реформы.

Первым и главным объектом наследования, который указывался в тексте завещания, являлась земля. Нотариальный акт содержал информацию о том, каким образом были приобретены земельные владения. Так, крестьянин Петр Александров Чистяков приобрел землю путем покупки, а Петр Никитин – с торгов. Земля у Григория Терентьева находится в общем владении с 8 крестьянами из трех деревень. Василий Иванов приобрел землю по купчей крепости, но находится она в череполосном владении. Нестор Федоров имел землю в отрезе от деревни. Пелагея Антонова получила землю по купчей крепости от отца. Все это указывает на пути решения крестьянами аграрного вопроса. Количество земли, подлежащей наследованию, тоже разнообразное – от 6 до 59 десятин. В качестве наследства выступало право ловли рыбы в озерах, пользования лесом. Из движимого имущества крестьяне завещали своим наследникам постройки. В числе которых подчас значились мельницы, амбары, здание, находящееся в аренде у земства и используемое в качестве волостной школы. В частности, подобное строение было отражено в завещании Никифора Сергеева, при этом он указал на обременение,

связанное с продолжением арендных отношений с земством [3, л. 11–12]. Крестьянин Федор Семенов помимо движимости и недвижимости завещал наследникам приличные денежные капиталы в сумме 4256 рублей, представленные заемными письмами, складными и кредитными бумагами [3, л. 29–30]. Несомненно, что Федор Семенов занимался ростовщичеством, хотя и был неграмотным человеком, так как в проекте его завещания присутствует запись «за него неграмотного расписался по его личной просьбе крестьянин Спиридонов Иван Иванов» [3, л. 30].

Состав наследников дает определенное представление о семейных отношениях. Количество наследников было различным: от одного до четырех. Интересен факт признания в качестве наследников внебрачных детей, в частности это касалось ранее упомянутого Федора Семенова. Наследниками имущества выступали сыновья и дочери, при этом раздел имущества осуществлялся по-разному. Если в качестве наследника выступал один человек, то в этом случае все достается ему, такая ситуация имела место в 5 случаях из 11. Три завещания предусматривали двух наследников. При этом в одном случае наследство было разделено в равных долях между дочерьми. В двух других распределено между наследниками в разных пропорциях, при этом наследники были из одной гендерной группы (муж.). В случае если наследников было более двух, то наследство между ними распределялось в разных соотношениях. Данный факт свидетельствует об отходе при оформлении духовного завещания от норм обычного права, для которых в 70-е гг. XIX в. было характерно распределение наследства в равных долях между сыновьями и меньшей доли для дочерей.

В духовных завещаниях нормы гражданского права признавали наследство и за дочерьми, живущими в других сельских обществах. Завещания так же предполагали дополнительные требования к наследникам. Например, крестьянин Василий Иванов указал в качестве условия для сыновей обязательную финансовую поддержку матери, т.е. его супруги вплоть до ее смерти. При этом каждый из 3 сыновей должен был ежемесячно выдавать по 2 рубля в месяц, и один – 75 коп. В итоге мать могла рассчитывать на сумму 6 руб. 75 коп. в месяц. Кроме того, все сыновья должны были выделять ежемесячно по 75 коп. на содержание тетки Анны Ивановой. Правда данное условие могло быть отменено, если Анна Иванова заявит свои требования на наделную землю [3, л. 27–28]. Можно предположить, что в свое время Анна Иванова была членом домохозяйства и имела право на часть наделной земли.

Крестьянин Нестор Клементьев по прозвищу Новожилов, оставляя имущество двум сыновьям, оговорил какую долю они должны будут выделить своему брату Василию Нестерову и его жене Анне Сысоевой. Помимо этого, он также зафиксировал требование финансовой поддержки матери в размере 9 рублей в месяц, при этом 2/3 этих трат ложилась на плечи одного из сыновей, который получал большую долю в наследстве [3, л. 17–18]. Стоит отметить, что, следуя нормам обычного права, крестьяне в духовных завещаниях стремятся дать некие финансовые гарантии для родственников женского пола, не отнесенных к категории наследников (матери, дочери, тети). К практике духовных завещаний, оформляемых нотариальным порядком, прибегали не только мужчины, но и женщины. Количество завещаний от имени крестьянок увеличивается в начале XX в., о чем свидетельствуют документы других нотариальных контор. Данное обстоятельство результат изменения роли женщины в общине, в условиях, когда мужчины находились на отхожих промыслах или были призваны на фронт, женщины становились во главе домохозяйства. Духовные завещания дают представление о различиях в семейных традициях русского и латышского населения. Латышские переселенцы проживали довольно компактно в южных уездах Псковской губернии. В имеющихся в нашем распоряжении двух завещаниях латышские крестьяне оставляли свою недвижимость в виде земли и построек в городе Новоржеве своим женам с условием, что после

супруги имущество переходит детям. Из русских крестьян только один Алексей Гаврилов оставил завещание подобного характера.

Таким образом, приговоры сельских сходов и нотариальные документы свидетельствуют о том, что на протяжении второй половины XIX – начала XX в. в крестьянской среде происходит трансформация традиционной культуры. В частности, нормы обычного права вытесняются нормами гражданского. Данный процесс усиливается в ходе столыпинской реформы, когда крестьяне начинают активно оформлять купчие крепости на землю. Со временем уходит в небытие такая норма обычного права, как равное разделение имущества между наследниками. Традиция устных распоряжений относительно наследования сменяется совершением духовных завещаний нотариальным порядком. В то же время общинное землевладение еще сохраняется и традиции вмешательства в вопросы наследования наделного имущества со стороны общины еще сильны, что находит даже закрепление в законодательстве о местном суде от 15 июня 1912 г.

1. Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). / В. Б. Безгин. – Москва – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. – 304 с.
2. Государственный архив Псковской области (ГАПО). – Ф. 202. Оп. 3. Д.5 Л. 6–6об.
3. ГАПО. – Ф. 388. Оп. 1. Д. 1
4. ГАПО. – Ф. 78. Оп. 1. Д. 78. Л. 2
5. Зырянов, П. Н. Крестьянская община европейской России, 1907–1914 гг. / П. Н. Зырянов ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : Наука, 1992. – 256 с.
6. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства : в 2-х т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999–2000. – Т. 1. – 547 с.
7. Крестьянская реформа в России 1861 года : сборник законодательных актов : [учеб. пособие для юрид. вузов и фак.] / [сост. и авт. предисл. д-р юрид. наук К. А. Софроненко]. – М. : Госюриздат, 1954. – 500 с.
8. Мухин, В. Ф. Обычный порядок наследования у крестьян : К вопросу об отношении нар. юрид. обычаев к будущему гражд. уложению / В. Ф. Мухин. – СПб. : Ред. комис. по сост. гражд. уложения, 1888. – 333 с.
9. Пахман, С. В. Обычное гражданское право в России : юридические очерки / [соч.] С. В. Пахмана. – СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1877–1879.
10. Шанин, Т. Русское крестьянское право и наследование имущества / Т. Шанин // Отечественные записки. – 2003. – № 2. – С. 337–347.

Курцова В.М., Капылоў І.Л., Мартысюк В.У.
МОЎНАЯ СПАДЧЫНА БЕЛАРУСАЎ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.
З АСОБНЫХ МАТЭРЫЯЛАЎ АРХІЎНЫХ УСТАНОЎ САНКТ-ПЕЦЯРБУРГА

Ключавыя словы: беларуская моўная спадчына, архіўныя фонды, лексікаграфія, каталагізацыя, лексікалагічнае апісанне.

У Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі пры падтрымцы БРФФД выкананы праект “Моўная спадчына беларусаў XIX – пачатку XX стст. З асобных матэрыялаў архіўных устаноў С.-Пецярбурга», мэтай якога з’яўлялася каталагізацыя і лексікалагічнае апісанне беларускамоўных матэрыялаў з архіваў Санкт-Пецярбурга.

У гісторыі беларускага мовазнаўства перыяд XIX – пачатку XX стст. характарызуецца з’яўленнем новай нацыянальнай літаратуры, фарміраваннем на базе народных гаворак беларускай літаратурнай мовы. Разам з тым з-за адсутнасці на беларускіх землях спецыяльнай навукова-даследчай установы не ажыццяўлялася прафесійнае даследаванне народнай мовы і яе навуковая апрацоўка. Апісанне сістэмы гаворак беларускай мовы праводзілася найперш у рэчышчы расійскага мовазнаўства і дазволіла назапасіць пэўныя веды аб яе структуры і асаблівасцях. Досыць плённым па выніках даследавання беларускай мовы з’яўляецца этнаграфічны этап. Падчас гэтага